

Асташкин Д. Ю.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ ПРОТИВ ДЕТСТВА НА НОВГОРОДСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ (7 ДЕКАБРЯ - 18 ДЕКАБРЯ 1947 Г.)

Аннотация. Дети Ленинградской области стали жертвами многих преступлений нацистов: принудительный труд, избиения, принудительное донорство, депортация, карательные акции и т.д. В центре внимания данной статьи находятся преступления против детей, расследуемые на Новгородском процессе над немецкими военными преступниками в 1947 году. На основе широкого круга источников, часть которых вводится в научный оборот впервые, проанализирован ход сбора доказательств и порядок судебных прений. Хотя значительное число детских жертв было связано с массовым уничтожением еврейских и цыганских семей по факту их этнической принадлежности (эти преступления в Ленинградской области совершала в 1941 г. Айнзацгруппа А), но привлечь исполнителей к ответственности не удалось, поэтому на Новгородском процессе эти преступления звучали лишь в общем контексте. Таким образом, тема преступлений против детей была представлена на Новгородском процессе в рамках расследования антипартизанских акций и депортаций. Из-за спешки в его организации анонимными остались многие преступления против детей Ленинградской области, особенно в первый период оккупации.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, оккупация, нацисты, военные преступники, Новгород, Ленинград, Псков, трибунал, Холокост, дети.

Для цитирования: Асташкин Д. Ю. Преступления нацистов против детства на Новгородском судебном процессе (7 декабря - 18 декабря 1947 г.) // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 141-147. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).141-147

С лета 1941 г. по лето 1944 г. огромная территория Ленинградской области была разорвана фронтом, на ней шли постоянные бои. Перед освобождением почти все оставшееся местное население было депортировано на запад, за линию “Пантера”. Под видом борьбы с партизанами и для устрашения укрывающихся от депортации оккупанты проводили массовые карательные акции против стариков, женщин и детей. Таким образом, дети в оккупации разделили сложную судьбу жителей Ленинградской области и столкнулись со многими военными преступлениями: принудительный труд, избиения, принудительное донорство, депортация, карательные акции и т.д.

За последние годы опубликован ряд трудов по политике нацистов в Ленинградской области. Так, проблема детской смертности на оккупированной территории Северо-Запада России изучена в статьях Е. Е. Красноженовой [Красноженова, 2021]. В публикациях исследователей нашла отражение и работа Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), а также региональных и поселковых комиссий в Ленинградской области [Ковалев, 2012]. Уточним, что на момент освобождения от оккупации Ленинградская область включала Новгород и Псков, поэтому первые подсчеты ущерба Ленинградская областная комиссия ЧГК вела тоже в этих географических границах.

Данные ЧГК являются важнейшим источником, но нуждаются в систематизации и верификации. Так, в данные ЧГК не попали некоторые военные преступления, совершенные до непосредственной оккупации, включая бомбардировки и обстрелы беженцев. Например, обстрел ленинградских детей на станции Лычково 18 июля 1941 года не был включен в “Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Демянском и Лычковском районах Ленинградской области” [Акт о злодеяниях, 1943]. Видимо, поэтому он не вошел в материалы ЧГК для подготовки Ленинградского и Новгородского процесса.

Отдельные работы опубликованы по проблеме расследования нацистских преступлений против советских детей на Северо-Западе России [Вычеров, 2022]. Ряд работ посвящен и Новгородскому процессу 1947 года [Асташкин, 2015]. Однако никто из ученых пока не исследовал проблему преступлений против детей и подростков в его материалах. В данной статье мы используем историко-юридический инструментарий, разработанный нами (совместно с Е.Е. Красноженовой) в рамках проекта “Ленинградские дети в условиях оккупации Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны”, мы уже использовали его в изучении преступлений против детства на Ленинградском процессе 1945-1946 гг. [Красноженова, Асташкин, 2022]. На основе этой методики мы постараемся определить ключевые направления в расследовании преступлений против детей на Новгородском процессе.

Новгородский процесс касался преступлений на довольно обширной территории: 19 бывших военнопленных германской армии (два генерала, восемь старших и четверо младших офицеров, четыре фельдфебеля и зондерфюрер) обвинялись в преступлениях в шести регионах СССР (в границах на момент суда).

1. Новгородская область РСФСР: подсудимые разрушили Новгород, убивали в Новгородском, Батецком, Демянском, Поддорском, Солецком районах.

2. Псковская область РСФСР: подсудимые разрушили город Остров и Дно, убивали в Себеже, жгли деревни Дедовичского, Дновского, Бежаницкого, Порховского и Псковского района. Подсудимые Зассе и Лантревич участвовали в казни Героя Советского Союза (посмертно) Клавдии Назаровой на площади города Остров.

3. Великолукская область РСФСР: четверо подсудимых из полевой жандармерии при ортскомендатуре №1/321 проводили пытки и расстрелы в Бежаницком районе.

4. Ленинградская область РСФСР: подсудимый генерал Герцог участвовал в блокаде Ленинграда и уничтожении Петергофа. А среди жертв расстрела у деревни Жестяная Горка Батецкого района были и жители Гатчины.

5. Полоцкая область БССР: трое подсудимых убили около 500 белорусов под предлогом борьбы с партизанами. Так, подсудимый генерал Руппехт с марта по май 1944 руководил (при помощи подсудимых Хаунспергера и Вильердта) карательными экспедициями против мирного населения близ города Дрисса (нынешний Верхнедвинск). Он отдал приказ расстрелять всех «подозрительных», поэтому в деревне Задежье Освейского района были убиты 305 местных жителей, в том числе женщины и дети, а их трупы сожжены.

6. Латвийская ССР: в 1944-1945 гг. подсудимые Хаунспергер, Доблер и Моль расстреляли советских граждан в Якобштадте в Цабельно, в Ляйде.

Таким образом, на Новгородском процессе расследовались преступления против

жителей (включая детей) из разных регионов, но наибольшее внимание следствия было сосредоточено на Новгородской и Псковской земле. Важной миссией Новгородского процесса стала публичная фиксация системной ответственности вермахта за военные преступления (на конкретном примере отдельных офицеров и солдат). Обвинение стремилось представить подсудимых как цепь – от высшего звена к низшему.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что на Новгородском процессе не расследовались (видимо, из-за спешки в подготовке) некоторые специфические преступления против детства. Так, не вошла в материалы Новгородского процесса тема использования нацистами детей как доноров крови, хотя такие случаи уже расследовались на Смоленском, Севастопольском и Рижском процессе. В частности, нам известно воспоминание о взятии крови в Старой Руссе у брата ленинградской девочки Капы Захаровой в 1942 г.: «Брат Паша (10 лет) выглядел ленинградским, вши были, но не обовшивевший. Немцы сделали укол. Взяли всю кровь, дали под зад ногой. Паша открыл дверь головой» [Мемуары Капы Захаровой, л. 4]. В документах Ленинградского и Новгородского процесса нет также упоминаний о взятии крови в «детском доме» в поселке Вырица Ленинградской области. Также на Новгородском процессе не было расследовано похищение детей с целью «онемечивания». Напомним, что от 50 000 до 200 000 детей с «арийской» внешностью были перемещены нацистами с оккупированных территорий по приказу 67/1 рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Есть некоторые сведения о подобных практиках и на Новгородской земле.

Расследование для Новгородского процесса было затруднено сознательным уничтожением нацистами следов преступлений. Поэтому в рамках подготовки к Новгородскому процессу была найдена лишь часть ям-могил. Если казни происходили в самом населенном пункте или около него, то находились свидетели, которые говорили об этом членам Новгородской областной комиссии ЧГК. Низовые локальные акты ЧГК часто содержали таблицы с указанием погибших местных жителей, возраста и причин смерти.

Хотя значительное число детских жертв было связано с массовым уничтожением еврейских и цыганских семей по факту их этнической принадлежности (эти преступления в Ленинградской области совершала в 1941 г. Айнзацгруппа А), но привлечь исполнителей к ответственности не удалось, поэтому на Новгородском процессе эти преступления звучали лишь в общем контексте. Так, судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа А. П. Владимирский упоминал детские жертвы (предположительно, это жертвы Холокоста) у Моглинского лагеря: «Около Моглино-первого, на площади, засеянной рожью, мы нашли десять ям-могил, заполненных трупами: дети, женщины, мужчины» [Лукницкий, 1976, с. 163.] и у Порховского лагеря: «Порхов... Здесь на кладбище были надписи: «Только для русских военнопленных». А трупы оказались гражданского населения, и множество детей. Если б мы все, находящиеся здесь в зале, посмотрели... (я бы не хотел второй раз увидеть!) В сидячем, в лежащем, в самых разнообразных положениях... дети!» [Лукницкий, 1976, с. 164.]

На Новгородском процессе в основном расследовались преступления поздних периодов оккупации (карательные акции 1943-1944 гг. по уничтожению деревень

Ленинградской области и т.п.). Виновные были взяты в плен по горячим следам, также были захвачены документы. Соответственно, тема преступлений против детей была представлена на Новгородском процессе, как правило, в общем контексте жертв антипартизанских акций и депортаций. Ниже мы рассмотрим эти примеры на основе широкого круга источников: актов ЧГК, материалов следствия, судебных отчетов и стенограмм, обвинительного заключения и приговора, материалов прессы.

На Новгородском процессе, как и на Ленинградском, прокурор в ходе допросов подсудимых специально уточнял число детей среди жертв. Приведем в пример массовый расстрел в декабре 1942 года на реке Полисть, в организации которого обвинялся подсудимый Вернер Финдайзен: «Прокурор: Среди расстрелянных были и дети? Свидетель Капитон Ефремов: Были, всех возрастов, начиная от грудных. Всего тогда расстреляли около 200 человек» [Протоколы-стенограммы, л. 59].

Сторона обвинения пыталась выяснить логику расстрелов детей. Подсудимые оправдывались по-разному, ссылаясь на сложность определения партизан или на вынужденное выполнение приказов. Тема этих приказов также поднималась на Новгородском процессе. Прокурору важно было доказать, что приказы о карательных акциях подразумевали полное уничтожение жителей населенного пункта, включая детей. Это особенно заметно по допросу генерала Руппрехта «Уточняя обстоятельства, при которых проходили карательные экспедиции, государственный обвинитель выясняет, что Руппрехт, отдавая приказы, заведомо знал, что от карателей, в первую очередь, страдают мирные жители. Подсудимый вынужден признать, что артиллерии разрешалось стрелять по населенным пунктам, где находились лишь одни женщины, старики и дети» [Протоколы-стенограммы, л. 31].

Для демонстрации преступности приказов против Руппрехта (как автора приказа о карательной акции) и Винтера (как организатора) выступила Евдокия Ивановна Беляева, мать четырёх дочек от 5 до 14 лет (на 1944 год). Она рассказала о карательной акции в д. Горюшка Дновского района Псковской области: «Я прижала к себе детей и бросилась на землю. Две старшие дочки бросились бежать. За ними погнались немцы и убили. Когда фашисты начали стрелять, на нас стали валиться трупы. Моя девятилетняя девочка спрашивает меня, ранена я или нет. И хотя меня ранило в бок, я ответила «Нет, Ниночка, не ранена». Она мне отвечает: «Мамочка, и я нет». В это время в нас стали бросать гранаты. Девочек сразу убили — маленькая только вскрикнула и упала, а меня еще ранили в голову. Я потеряла сознание. Сколько времени лежала так, не помню. Очнулась и вижу: немцы носят солому и заваливают этим трупы. Солому эту зажгли. Я хотела встать и унести моих девочек, чтобы они не сгорели, но была не в силах этого сделать. Тогда я их оставила и поползла через трупы. Когда я спустилась через мостик к речке, в меня начали опять стрелять, но не попали. Я немного отлежалась и поползла дальше. Смотрю: на берегу ручейка 25 несожженных трупов и среди них маленькая двухлетняя девочка кричит «Мамочка, мне холодно». А кровь с горки ручьем течет в речку» [Манион, Васильев, с. 4].

В обвинительном заключении Новгородского процесса часто фигурируют прямые и не прямые цитаты из показаний свидетелей и обвиняемых об уничтожении детей. Так, свидетель Ефим Иванович Иванов опознал подсудимого Кайрата и подсудимого Преслера как исполнителей казни в деревне Стега (Ашевский район Псковской

области): «1 января 1944 года сюда прибыл карательный отряд. В доме крестьянина Богданова гитлеровцы расстреляли 17 человек, среди них было девять внуков и внучек Богданова в возрасте от 1 года до 12 лет. <...> 4 января немцы вернулись в д. Стега и снова продолжили расправу с мирным населением, убили мою невестку и ее сына в возрасте два с половиной года» [Протоколы-стенограммы, л.62]. Уточним, что подсудимый Преслер еще и жестоко избил двухлетнего внука свидетеля: «Мой внучек попросил: «мама, дай поесть». Этот австрияк (свидетель указывает на Преслера) вынул наган и говорит «я тебя сейчас накормлю». Он так ударил его по голове рукояткой, что у моего внука глаза вывалились. «Накормил», ирод! Когда он это сделал, невестку, внука и девочку отвели метров на пятьдесят от станции и расстреляли» [Протоколы-стенограммы, л. 62]. Подобные избиения детей подсудимым было сложно оправдать как слепое исполнение приказа сверху.

Всего на Новгородском процессе выступило тридцать пять свидетелей из Ленинграда, Великолукской, Псковской и Новгородской областей. Судя по материалам «Новгородской правды», их показания об убийстве детей вызвали большую эмпатию у публики: в материалах суды и прессы отмечались возгласы волнения из зала.

Отметим, что на Ленинградском процессе не привлекались несовершеннолетние свидетели, а вот на Новгородском процессе такой свидетель выступил. Это был двенадцатилетний Анатолий Петров, житель деревни Большое Тресно Дновского района Ленинградской области. Он прямо на суде дал показания против майора Карла Винтера (был комендантом безопасности города Дно): «Петров: Нашу деревню немцы сожгли. Тогда мы перебрались в д. Горушка и нас там немцы расстреливали. Я лежал среди убитых и таким образом спасся... Маму и братишку Павлушу они застрелили» [Протоколы-стенограммы, л. 61]. Предположим, что рассказ ребенка о гибели родных был очень сильным эмоциональным моментом открытого процесса, убедительно доказывающим зло нацизма. Вместе с тем такое выступление деревенского мальчика на трибуне, перед сотнями зрителей, могло быть сильнейшим эмоциональным потрясением и для него самого. Как работали с ним следователи в психологическом и юридическом отношении? Пока мы не нашли в материалах Новгородского процесса дела каких-либо особых инструкций по работе с несовершеннолетними свидетелями.

По итогам Новгородского процесса двенадцать обвиняемых признали свою вину частично: Йозеф Руппрехт, Вернер Финдайзен, Ганс Хаунспергер, Йозеф Геринг, Генрих Фишер, Макс Бройер, Альберт Франкенштайн, Иоганн Кайрат, Ганс Преслер, Пауль Вильродт, Александр Лантревич и Бенно Мейер. Лишь генерал Курт Герцог не признал свою вину. 18 декабря 1947 года был зачитан приговор, по которому все 19 подсудимых признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и, руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, приговаривались к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет каждый.

Новгородский судебный процесс над нацистскими преступниками стал последним в РСФСР открытым судом над немецкими военными преступниками. Из-за спешки в организации анонимными остались многие преступления против детей Ленинградской области, особенно в первый период оккупации. Тем не менее, расследуя конкретные преступления нацистов против мирного населения (включая

несовершеннолетних), совершенные в 1943-1944 гг., советское правосудие символически осудило весь оккупационный режим, сложившийся в Ленинградской области (включая Новгород и Псков) в 1941-1944 гг.

Примечание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>;

Исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

Литература

- Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Демянском и Лычковском районах Ленинградской области (1943). Ленинград: Лениздат, 19.
- Асташкин Д. Ю. (2015). Освещение открытого суда над нацистскими военными преступниками в Новгороде (декабрь 1947 года). *Вестник НовГУ*, 7(90), 8-11.
- Вычеров Д. А. (2022). Советское детство на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы. *Ученые записки НовГУ*, 4(43), 397-400. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).397-400
- Ковалев Б. Н. (2013). Акты ЧГК (Чрезвычайной Государственной Комиссии) о преступлениях Голубой дивизии под Новгородом (1941-1942 гг.). *Вестник НовГУ*, 73, Т. 1, 88-92.
- Красноженова Е. Е. (2021). Военное детство на оккупированной территории Северо-Запада России (1941-1944 гг.). *Ученые записки НовГУ*, 2(35), 167-172. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).167-172
- Красноженова Е. Е., Асташкин Д. Ю. (2022). Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945 – 4 января 1946 г.). *Вопросы истории*, 7-1, 70-82. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi09
- Лукницкий П. Н. (1976). *Ленинград действует*. Книга третья. Москва.
- Манион В., Васильев З. (1947). Как они «эвакуировали» население. *Псковская правда*. 15 декабря, 4.
- Мемуары Капы Захаровой. Государственный музей политической истории России. К/п 52592/14. Фонд VI. Инв. № 2083.
- Протоколы-стенограммы судебных заседаний процесса по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской, Псковской, Ленинградской и Великолукской областей 7–14 декабря 1947 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 384.

References

- Akt o zlodejaniyah nemecko-fashistskih zahvatchikov i ih soobshhnikov v Demjanskom i Lychkovskom rajonah Leningradskoj oblasti.* (1943). [Act on the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices in the Demyansky and Lychkovsky districts of the Leningrad region]. Leningrad: Lenizdat, 19.
- Astashkin D. Ju. (2015). Osveshhenie otkrytogo suda nad nacistskimi voennymi prestupnikami v Novgorode (dekabr' 1947 goda) [Mediatization of open trial against nazi war criminals in Novgodod (December 1947)]. *Vestnik NovSU*, 7(90), 8-11.
- Kovalev B. N. (2013). *Akty ChGK (Chrezvychajnoj Gosudarstvennoj Komissii) o prestuplenijah Goluboj divizii pod Novgorodom (1941-1942 gg.)* [Acts of the ChGK (Extraordinary State Commission) on the crimes of the Blue Division near Novgorod (1941-1942)] // *Vestnik NovSU*, 73(1), 88-92.
- Krasnozhnova E. E., Astashkin D. Ju. (2022). Prestuplenija protiv detstva na Leningradskom sudebnom processe (27 dekabrja 1945 - 4 janvarja 1946 g [Crimes against childhood at the Leningrad trial (December 27, 1945 - January 4, 1946)]. *Voprosy istorii*, 7-1, 70-82. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi09.
- Krasnozhnova E. E. (2021). *Voennoe detstvo na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada Rossii (1941-1944 gg.)* [Military childhood in the occupied territory of the North-West of Russia (1941-1944)]. *Memoirs of NovSU*, 2 (35), 167-172. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).167-172

- Luknickij P. N. (1976). *Leningrad dejstvuuet* [Leningrad is active]. Kniga tret'ja, Moscow.
- Manion V., Vasil'ev Z. (1947). *Kak oni «jevakuirovali» naselenie* [How they "evacuated" the population]. Pskovskaja pravda. December 15, 4.
- Memoirs of Kapa Zakharova. Gosudarstvennyj muzej politicheskoy istorii Rossii. K/p 52592/14. Fond VI. Inv. № 2083
- Protokoly-stenogrammy sudebnyh zasedanij processa po delu o zlodejanijah nemecko-fashistskih zahvatchikov na territorii Novgorodskoj, Pskovskoj, Leningradskoj i Velikolukskoj oblastej 7–14 dekabrja 1947 g.* [Protocols-transcripts of court hearings in the case of the atrocities of the Nazi invaders in the Novgorod, Pskov, Leningrad and Velikoluksk regions on December 7–14, 1947]. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-7021. Op. 116. D. 384.
- Vycherov D. A. (2022). Sovetskoe detstvo na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriografija problemy [Soviet childhood in the occupied territory of the North-West of Russia during the Great patriotic war: the historiography of the problem]. *Memoirs of NovSU*. 4(43), 397-400. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).397-400

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.11.2023.
Принята к публикации 15.02.2024.

Об авторе

Дмитрий Юрьевич Асташкин – кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; ORCID: 0000-0001-7840-4708; strider-da@ya.ru

Astashkin D. Y.

NAZI CRIMES AGAINST CHILDHOOD AT THE NOVGOROD TRIAL (DECEMBER 7 - DECEMBER 18, 1947)

Abstract. Children of Leningrad region were victims of many Nazi crimes: forced labor, beatings, forced donation, deportation, punitive actions, etc. The focus of this article is on crimes against children investigated at the Novgorod trial of German war criminals in 1947. Based on a wide range of sources, some of which are being introduced into the scientific circulation for the first time, the course of evidence collection and the order of court deliberations are analyzed. Although a significant number of child victims were connected with the mass extermination of Jewish and Roma families on the basis of their ethnicity (these crimes in Leningrad region were committed in 1941 by the Einsatzgruppe A), but it was not possible to bring the perpetrators to justice, so at the Novgorod trial these crimes were heard only in a general context. Therefore, the topic of crimes against children was presented at the Novgorod trial as part of the investigation of anti-partisan actions and deportations. Because of the haste in its organization, many crimes against children of Leningrad region, especially during the first period of occupation, remained anonymous.

Keywords: World War II, Occupation, Nazis, War criminals, Novgorod, Leningrad, Pskov, Tribunal, Holocaust, children

For citation: Astashkin D.Y. Nazi crimes against childhood at the Novgorod trial (December 7 - December 18, 1947). *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 141-147. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).141-147